

Информационно-психологическое противоборство: от дискурсивных практик к управлению аудиторией и контекстом

Научный руководитель – Виноградова Светлана Михайловна

Гайдаев Олег Сергеевич

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет международных отношений, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: o.gaidaev@gmail.com

Нынешние трансформации в системе международных отношений во многом обуславливаются совершенствованием методов ведения геополитического противоборства. В последние десятилетия расширился как состав участников (прежде всего за счет негосударственных акторов), так и арсенал применяемых государствами средств, техник и методов воздействия на потенциального оппонента. Успех в проведении внешнеполитической стратегии государства все больше определяется степенью его адаптации к новым условиям и эффективностью в сфере проведения информационно-психологических операций. В ТМО изложенные тенденции находят отражение в развитии новых парадигм и теорий, в частности в теории секьюритизации, разработанной теоретиками т.н. Копенгагенской школы - Г. Бузаном и О. Вэвером.

Авторы теории предположили, что безопасность и угрозы не носят и не могут носить объективного характера, а сознательно конструируются и воспринимаются как таковые. Впервые безопасность трактуется как поле дискурсивных практик, а угроза - как результат направляемого процесса - секьюритизации [6].

Именно в таком, наиболее первоначальном виде теория секьюритизации привлекла к себе интерес и в России. Однако между классическими исследованиями секьюритизации (1980е - 1990е гг.) и т.н. «посткопенгагенским» направлением (с 2000-х по н.в.) отмечается значительная разница, затрагивающая как методологию, так и философские основания теории. Именно вклад последующих теоретиков «посткопенгагенского» периода позволил приблизить теорию секьюритизации с теорией и практикой информационно-психологического противоборства.

Что отличает обновленную теорию секьюритизации от её классических интерпретаций? Во-первых, «копенгагенское» направление можно охарактеризовать как лингвистический подход к секьюритизации, предполагающий в качестве основного объекта анализа дискурс, а речевой акт - главной составляющей процесса. В то же время «посткопенгагенское» направление характеризуют как социологический или практико-ориентированный подход, в котором ключевое внимание уделяется анализу и роли аудитории, статусно-ролевых отношений, исторического и социального контекста [5]. Своеобразный водораздел между классическими и посткопенгагенскими исследованиями позволил некоторым авторам отнести сторонников первого подхода к «интерналистам», а сторонников второго - к «экстерналистам» [8].

Во-вторых, если классические исследования в качестве главного метода анализа секьюритизации избирают дискурсивный анализ, то в последние годы заметную популярность приобретает методика т.н. процесс-трейсинга (process-tracing). Исследователи отмечают, что если в дискурсивном анализе главными вопросами являются «как?» и «каким образом?», то в процесс-трейсинге, заточенном на поиск причинно-следственных связей между явлениями - «почему?» и «почему возможно?» [7].

В одной из последних работ, посвященных развитию теории, Т. Бальзак и С. Леонард привлекают инструментарий концепции «властоментальности» М. Фуко (governmentality). Авторы формулируют новое комплексное определение секьюритизации, как «совокупность практик, посредством которых эвристические артефакты, вплетаясь в соответствующий контекст, используются для моделирования у аудитории определенных психологических установок, чувств, мыслей, догадок относительно критической уязвимости референтного объекта, соответствующих замыслам и намерениям агента и позволяющих ему действовать в обход сложившихся практик и процедур» [4].

Данное определение сближает теорию секьюритизации с практикой психологических операций, в которых ключевое внимание также сосредоточено на практиках и методах воздействия на аудиторию.

Из вышесказанного следует, что эвристический потенциал теории секьюритизации может и должен быть привлечен к исследованиям в области информационно-психологических операций. Развитие теории в последние годы убедительно показывает, как подлежат моделированию не только дискурс, но также контекст, аудитория и даже сами агенты секьюритизации. В практике информационных войн подобные тенденции отражены, в частности, в политике памяти [1], технологиях «фантома толпы» [3] и «суггестивного шума», совершенствовании методов «черной» пропаганды [2] и т.п. Повысить эффективность информационного обеспечения внешней политики России может и привлечение методики «процесс-трейсинга», позволяющей выяснить, как и в силу каких обстоятельств, определенная оценка политических событий стала доминирующей в информационном пространстве страны или региона.

Источники и литература

- 1) Гигаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Грамота, № 10 (60), 2015. С. 59-64.
- 2) Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М., 2003.
- 3) Филимонов Г., Данюк Н. Информационный террор. Тактика и стратегия информационной войны. М., 2017.
- 4) Balzacq T., Leonard S., Ruzicka J. 'Securitization' revisited: theory and cases // International Relations. 2016, Vol. 30(4), P. 494-53.
- 5) Balzacq T. The three faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // European Journal of International Relations. 2005. Vol. 11(2). P. 171-201.
- 6) Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: a new framework for analyses. London, 1998.
- 7) Robinson C. Tracing and explaining securitization: Social mechanisms, process tracing and the securitization of irregular migration // Security Dialogue, 2017. P. 1-19.
- 8) Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations, 2007. Vol. 13:357. P. 357-383.